

Развитие китайско-казахстанского взаимодействия в рамках международных организаций: исторические аспекты и современные вызовы

Ян Хуань

Синьцзянский университет, г. Урумчи, СУАР, Китай

hang.tsui@yandex.com, <https://orcid.org/0009-0008-1853-2220>

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития взаимодействия между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан в рамках международных организаций с учетом исторических предпосылок, институциональных механизмов и современных вызовов. Особое внимание уделяется анализу многостороннего сотрудничества в структурах, таких как ШОС, ООН, АТЭС и ЕАЭС, а также сопряжению национальных стратегий, включая инициативу «Один пояс — один путь» и программу «Нурлы Жол». Автор выявляет ключевые риски и проблемы, связанные с геополитическим давлением, асимметрией потенциалов и угрозами региональной стабильности. Делается вывод о необходимости сбалансированной и адаптивной модели участия в международных институтах для укрепления стратегического партнерства между двумя странами.

Ключевые слова: Китай, Казахстан, Международные организации, ШОС, геополитические вызовы, стратегическое партнерство

Благодарности: статья является результатом исследования проекта Синьцзянского университета по подготовке молодых преподавателей «Исследование сотрудничества между Китаем и Казахстаном с точки зрения “Индекса пяти связей”» (номер проекта 22CPY122).

Original article

Development of China-Kazakhstan Cooperation within International Organisations: Historical Aspects and Contemporary Challenges

Yan Huan

Xinjiang University, Urumqi, China

hang.tsui@yandex.com, <https://orcid.org/0009-0008-1853-2220>

Abstract. The article examines the development of cooperation between the People's Republic of China and the Republic of Kazakhstan within the framework of international organisations, taking into account historical preconditions, institutional mechanisms, and contemporary challenges. Special attention is given to the analysis of multilateral cooperation in structures such as the SCO, UN, APEC, and EAEU, as well as to the alignment of national strategies, including the Belt and Road Initiative and the Nurlu Zhol programme. The author identifies key risks and problems related to geopolitical pressure, asymmetry of potential, and threats to regional stability. It is concluded that a balanced and adaptive model of participation in international institutions is essential for strengthening the strategic partnership between the two countries.

Keywords: China, Kazakhstan, international organisations, SCO, geopolitical challenges, strategic partnership

Acknowledgements: This article is the result of a research project at Xinjiang University for the training of young lecturers titled “Research on China – Kazakhstan Cooperation from the Perspective of the Five Connectivity Index” (Project No. 22CPY122).

Введение

В условиях стремительной трансформации международной архитектуры особое значение приобретает изучение региональных форматов сотрудничества и межгосударственного взаимодействия, особенно в стратегически значимых зонах, таких как Центральная Азия. На фоне ослабления традиционных глобальных институтов, а также изменения баланса сил между ведущими государствами мира, актуализируется поиск новых механизмов регионального порядка. В этом контексте партнерство между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан представляет собой не только двусторонний феномен, но и ключевой элемент формирования многосторонней системы взаимодействия в рамках международных организаций, таких как Шанхайская организация сотрудничества, Организация Объединенных Наций и другие наднациональные структуры.

После распада Советского Союза Казахстан стал одним из наиболее последовательных и прагматичных партнеров Китая в Центральной Азии. Начав с установления дипломатических отношений в 1992 г., страны за короткий исторический период выстроили прочную базу для стратегического взаимодействия, охватывающего политическую, экономическую и гуманитарную сферы. Однако именно участие в международных организациях открыло новые горизонты для двустороннего диалога, позволив Китаю и Казахстану транслировать свои национальные интересы через многосторонние каналы. Эти формы взаимодействия не только способствовали институционализации сотрудничества, но и стали инструментом балансирования интересов в условиях растущей конкуренции в регионе.

Настоящая статья направлена на анализ трансформации и современного состояния китайско-казахстанского взаимодействия в рамках международных организаций с учетом его исторических корней и политического контекста. Основное внимание уделяется институциональным механизмам, динамике участия обеих стран в многосторонних инициативах, а также новым вызовам, связанным с геополитической нестабильностью, изменением глобального экономического ландшафта и необходимостью адаптации к новым форматам регионального управления.

Материалы и методы исследований

Методологическая основа исследования включает в себя историко-сравнительный подход, позволяющий проследить эволюцию взаимодействия на разных этапах, а также системный анализ, направленный на выявление взаимосвязей между национальными стратегиями, международными институтами и внешнеполитическими приоритетами сторон. Источниковую базу составляют официальные документы, совместные декларации, доклады международных организаций, а также аналитические материалы и научные публикации, отражающие различные взгляды на характер китайско-казахстанского партнерства.

Результаты и обсуждения

Научный интерес к данной теме существенно усилился после выдвижения инициативы ОПОП и активного продвижения сопряжения с ЕАЭС. Как отмечает Ли Сянь, Казахстан играет ключевую роль в инфраструк-

турной и энергетической составляющей ОПОП, одновременно участвуя в проектах ЕАЭС и реализуя национальную стратегию «Нурлы Жол» [1]. Ян Шупин предлагает классификацию моделей взаимодействия «5+1», «1+1» и «ШОС+» подчеркивая гибридный характер возможного сближения механизмов КНР и ЕАЭС [2].

Особое внимание в литературе уделяется институционализации диалога. Н. А. Лунев на основе хроники встреч на высшем уровне демонстрирует устойчивую динамику развития стратегического партнерства, включая участие в таких организациях, как ШОС и ООН [3]. Н. А. Милованова рассматривает отношения между КНР и Республикой Казахстан как пример последовательного дипломатического сближения, где основное внимание уделяется договорной базе и формированию устойчивого механизма координации на международной арене [4].

Роль Шанхайской организации сотрудничества в китайско-казахстанском взаимодействии исследуется в нескольких работах. Н. К. Семенова подчеркивает, что ШОС, начиная с решения приграничных задач, трансформировалась в структуру, способную координировать безопасность, энергетику и экономическое развитие в Центральной Азии [5]. Н. М. Усенко отмечает, что стратегическое партнерство КНР и России в рамках ШОС оказывает прямое влияние на архитектуру международных отношений в регионе, в том числе вовлекая Казахстан как ключевого участника [6].

В центре внимания также находятся риски и вызовы для Казахстана, возникающие в процессе сопряжения. Согласно выводам Цюй Цюжуня, несмотря на значительный прогресс в реализации проектов в рамках ОПОП и «Светлого пути», существует определенная настороженность в казахстанском обществе и элите, что ограничивает возможности дальнейшего углубления сотрудничества [7]. Эту точку зрения подтверждает Лу Фэн, выделяя социально-экологические и геополитические ограничения китайско-казахстанских экономических связей, в особенности в контексте региональной конкуренции и институциональной слабости ЕАЭС [8].

Д. Г. Меркулова и И. Ф. Шоджонов в контексте саммита «Китай — Центральная Азия» акцентируют внимание на трансформации регионального порядка, вызванной активным институциональным оформлением китайского присутствия в регионе, где Казахстан выступает не только экономическим, но и политическим посредником [9]. Кроме того, Л. Т. Кожакеева подчеркивает значение этнокультурных связей и гуманитарного сотрудничества между КНР и Казахстаном как важной предпосылки устойчивого международного взаимодействия [10].

Таким образом, обширная литература по теме демонстрирует, что китайско-казахстанское сотрудничество в рамках международных организаций обладает устойчивыми историческими корнями, теоретической глубиной и перспективами развития при условии преодоления институциональных и политических вызовов.

Исторический контекст взаимодействия Китая и Казахстана в рамках международных организаций берет свое начало с момента распада Советского Союза и обретения Казахстаном государственной независимости в 1991 г. Выйдя на международную арену как суверенное государство, Республика Казахстан предприняла активные шаги по формированию

внешнеполитического курса, ориентированного на многосторонность, добрососедство и экономическую открытость. Одним из первых и наиболее значимых партнеров нового государства стал Китай, с которым уже в январе 1992 г. были установлены дипломатические отношения, ставшие основой будущего стратегического партнерства [11].

В 1990-е гг. наблюдалось поэтапное развитие двустороннего сотрудничества, главным образом в экономической и приграничной сферах. Однако международные организации еще не играли ведущей роли в китайско-казахстанском диалоге, что обусловлено институциональной слабостью постсоветского пространства и осторожностью КНР в региональной политике. Тем не менее именно в этот период формировалась база для будущей многосторонней координации, включая взаимодействие в рамках ООН и ОБСЕ, к которым Казахстан быстро присоединился, демонстрируя готовность быть частью глобального правопорядка.

Качественный скачок произошел в начале 2000-х гг. с учреждением в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в которую вошли Китай, Казахстан и другие страны Центральной Азии. Институционализация китайско-казахстанского сотрудничества в рамках международных организаций получила четкое нормативное оформление, что наглядно подтверждается официальными документами. Так, Устав Шанхайской организации сотрудничества (2002) провозглашает приоритетами укрепление взаимного доверия, добрососедства и всестороннего сотрудничества в политической, экономической, научно-технической и культурной сферах [12]. Эти положения нашли практическое воплощение в решениях Совета глав государств ШОС за 2001–2020 гг., где фиксировались ключевые инициативы КНР, активно поддерживаемые Казахстаном, особенно в сферах энергетической безопасности и транспортной взаимосвязанности.

Участие обеих стран в таких структурах, как ООН, АТЭС и ЕАЭС, также базируется на соответствующих учредительных и регламентирующих документах. В частности, положения Устава ООН о коллективной безопасности и мирном урегулировании споров служат основой для совместных инициатив Китая и Казахстана на Генеральной Ассамблее по вопросам устойчивого развития и противодействия терроризму [13]. В рамках ЕАЭС правовую базу взаимодействия составляют Протокол о присоединении Казахстана и меморандумы о сопряжении с инициативой «Один пояс — один путь», положенные в основу реализации масштабных инфраструктурных проектов, таких как Международный центр приграничного сотрудничества «Хоргос». Как отмечает В. И. Василенко, первоначально ШОС была нацелена на урегулирование пограничных вопросов, но вскоре ее повестка расширилась, охватывая аспекты безопасности, энергетики, торговли и культуры [14]. Создание ШОС ознаменовало переход китайско-казахстанского сотрудничества из преимущественно двустороннего в устойчивое многостороннее измерение.

Параллельно стороны активно взаимодействовали в рамках глобальных институтов. Казахстан и Китай выступали в поддержку многополярного мира и реформирования международных механизмов глобального управления. Участие в структурах ООН и в Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве (АТЭС), а также в других региональных инициативах,

способствовало закреплению образа Казахстана как надежного партнера Китая в регионе, а самого Китая как ответственного актора на евразийском пространстве.

Таким образом, к концу 2000-х гг. сложился устойчивый фундамент китайско-казахстанского взаимодействия в рамках международных организаций, основанный на стратегическом доверии, институциональной совместимости и совпадении региональных интересов. Эта основа стала платформой для дальнейшего сопряжения национальных и интеграционных инициатив таких, как «Один пояс — один путь», «Светлый путь» и развитие Евразийского экономического союза.

Современный этап китайско-казахстанского взаимодействия в рамках международных организаций характеризуется значительным расширением форматов сотрудничества, усилением координации на глобальном и региональном уровнях, а также институционализацией совместных инициатив в сферах безопасности, экономики, инфраструктуры и цифровой трансформации. Методологически осмысление этих процессов требует опоры на историко-сравнительный подход, позволяющий отследить эволюцию партнерства, и системный анализ, раскрывающий внутренние связи между уровнями многостороннего взаимодействия.

В первую очередь следует отметить политико-дипломатическое взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая с начала 2000-х гг. стала центральной платформой для формализации интересов Китая и Казахстана в регионе. Как указывает С. В. Астахова, именно в рамках ШОС были заложены основы не только безопасности, но и экономического партнерства, включая формирование транспортных коридоров и энергетических проектов [15]. Учитывая институциональную специфику ШОС как «площадки согласования» интересов без элементов наднационального регулирования, политический диалог между КНР и РК строится на балансе стратегического прагматизма и региональной солидарности.

Неотъемлемой частью современного взаимодействия стало участие Казахстана в глобальных инициативах Китая, прежде всего в рамках стратегии ОПОП. Как подчеркивают Ли Сянь и Цюй Цюжунь, сопряжение китайской инициативы с казахстанской программой «Нурлы Жол» обеспечило Казахстану уникальное положение «евразийского моста», усилив его статус не только как регионального хаба, но и как конструктивного участника международных экономических процессов [1; 7]. Двусторонняя координация в сфере логистики, строительства железных дорог, создания транспортно-индустриальных узлов (в частности, Хоргос) получила продолжение в рамках многосторонних платформ, включая ЕАЭС, ШОС и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций.

Китайско-казахстанское сотрудничество охватывает и критически важные направления международной безопасности, особенно в сфере борьбы с транснациональными угрозами, контроля на границе и противодействия экстремизму. В последние два десятилетия стороны усилили координацию в рамках международных форумов, включая СВМДА, ООН и ШОС, демонстрируя общую заинтересованность в стабильности региона и сни-

жении рисков, связанных с политической волатильностью в сопредельных странах.

Особое значение приобретают новые направления сотрудничества, в частности в сферах цифровой дипломатии, «умной» логистики и кибербезопасности. Как показывают анализ Л. Б. Вардомский и М. О. Тураева, цифровизация инфраструктурных узлов вдоль маршрутов ОПОП, внедрение e-Government-платформ и развитие цифровых торговых коридоров становятся неотъемлемой частью стратегии Китая в регионе и находят отклик в казахстанской государственной политике [16]. Китайский опыт в области big data, цифрового таможенного оформления и сетевой безопасности трансформируется в практические инициативы в рамках двусторонних и многосторонних соглашений, включая форумы в рамках ШОС.

Таким образом, формы и направления современного взаимодействия между Китаем и Казахстаном в международных институтах представляют собой динамичную и многоуровневую систему, в которой стратегические интересы сторон реализуются через гибкую комбинацию двусторонних и многосторонних механизмов. Это сотрудничество опирается на исторически сложившееся доверие, институциональную совместимость и взаимные вызовы, предполагая дальнейшее расширение координации в условиях меняющейся международной среды.

Конструктивное взаимодействие Китая и Казахстана в международных организациях, несмотря на положительную динамику, сталкивается с рядом актуальных вызовов и рисков, обуславливающих необходимость переосмысления стратегических подходов и адаптации к новой геополитической реальности. Эти вызовы, будучи комплексными по своей природе, затрагивают как внешнеполитическое измерение отношений, так и внутренние структурные особенности сотрудничества.

Во-первых, растущее геополитическое давление в Центральноазиатском регионе со стороны глобальных и региональных игроков США, России и Турции создает конкуренцию интересов, которая нередко приобретает форму соперничества за влияние в многосторонних институтах. Казахстан, будучи традиционным партнером России в рамках ОДКБ и ЕАЭС, а также объектом интереса со стороны США по вопросам энергетической безопасности и демократических реформ, вынужден лавировать между различными векторами давления. Свою активную политику в регионе проводит также Турция, опирающаяся на тюркскую идентичность и Организацию тюркских государств. В этих условиях китайско-казахстанское взаимодействие в таких структурах, как ШОС или ООН, требует постоянного согласования стратегий с учетом многополярного баланса интересов и рисков усиления противоречий между крупными державами.

Во-вторых, в основе китайско-казахстанского партнерства лежит структурная асимметрия в политическом, экономическом и технологическом потенциале двух стран. Китай выступает в роли глобальной державы с амбициозными внешнеполитическими проектами и ресурсной базой, значительно превосходящей возможности Казахстана. Это приводит к рискам односторонней зависимости, особенно в таких сферах, как инфраструктурное кредитование, цифровая интеграция и энергетические ресурсы. В международных организациях эта асимметрия проявляется в различной

степени инициативности: Китай чаще задает повестку и формулирует правила игры, тогда как Казахстан нередко занимает позицию адаптации к уже выработанным форматам. Такая ситуация требует выработки более сбалансированных механизмов участия и усиления переговорных позиций со стороны Астаны.

Наконец, общим вызовом для обоих государств остаются угрозы региональной стабильности, включая трансграничный терроризм, религиозный экстремизм, наркотрафик и миграционные кризисы. Эти риски актуализируются в контексте нестабильной обстановки в Афганистане, усиления радикальных движений в некоторых приграничных районах и социально-экономических дисбалансов внутри региона. В этой связи особую роль приобретают международные институты, способные выступать в качестве платформ для координации усилий по обеспечению безопасности и стабильного развития. Однако эффективность таких структур напрямую зависит от степени доверия, транспарентности механизмов принятия решений и способности к быстрой адаптации к новым угрозам.

Таким образом, устойчивость и результативность китайско-казахстанского сотрудничества в международных организациях в значительной степени зависят от способности сторон не только углублять позитивную повестку, но и совместно реагировать на вызовы, вытекающие из внешнего давления, внутренней асимметрии и нестабильности регионального окружения.

Заключение

Развитие китайско-казахстанского взаимодействия в рамках международных организаций представляет собой важный элемент региональной и глобальной повестки, отражающий как исторически сложившиеся модели сотрудничества, так и современные трансформации мировой политической архитектуры. Проведенный в статье анализ позволил выявить, что сотрудничество между двумя странами последовательно углублялось с начала 1990-х гг.: от двустороннего стратегического партнерства до активного участия в многосторонних институтах, таких как Шанхайская организация сотрудничества, ООН и другие региональные объединения.

Исторический обзор показал, что участие Китая и Казахстана в международных структурах опирается на принципы прагматизма, взаимного уважения и стратегической гибкости. Важным этапом стало формирование ШОС как механизма коллективной безопасности и платформы для политического диалога, в рамках которой обе страны приобрели устойчивые инструменты координации. Современные формы сотрудничества выходят за рамки традиционной дипломатии и охватывают такие направления, как энергетика, цифровая дипломатия, трансграничное регулирование, а также совместное участие в инициативе «Один пояс — один путь», что усиливает международную субъектность Казахстана.

Однако наряду с достигнутыми успехами сохраняется ряд вызовов, включая геополитическую конкуренцию в регионе, асимметрию потенциалов и нестабильность на периметре общих границ. Эти факторы обуславливают необходимость выстраивания более сбалансированных механизмов взаимодействия в международных организациях, основанных

на взаимной выгоде, институциональной прозрачности и адаптивности к новым угрозам.

Таким образом, китайско-казахстанское взаимодействие в международных организациях представляет собой динамичный и многогранный процесс, сочетающий историческую преемственность с новыми формами регионального лидерства и стратегического позиционирования. Исследование подчеркивает, что успех дальнейшей кооперации во многом будет зависеть от способности сторон использовать международные институты не только как площадку для политического диалога, но и как эффективный инструмент коллективного реагирования на вызовы XXI века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Ли Сялань*. Возможные сценарии сопряжения проекта ЕАЭС, Нурлы-Жол и инициативы «Один пояс, один путь» // Постсоветские исследования. 2023. № 5. С. 567–574.
2. *Ян Шупин*. Сопряжение ЕАЭС и проекта «Один пояс и один путь»: анализ моделей взаимодействия // Век глобализации. 2022. № 4. С. 85–96.
3. *Лунев Н. А.* Хроника взаимодействия постсоветского Казахстана и КНР (1992–2022) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 3. С. 131–145.
4. *Милованова Н. А.* Концептуальные основы отношений КНР и Республики Казахстан // Постсоветские исследования. 2020. № 7. С. 593–602.
5. *Семенова Н. К.* Китайский энергетический вектор: значение ШОС и безопасность в Центральной Азии // Восточная аналитика. 2012. № 3. С. 144–160.
6. *Усенко Н. М.* Анализ интеграционного взаимодействия России и КНР в рамках ШОС // Научные труды ВЭО России. 2023. № 239. С. 333–348.
7. *Цюй Цюжунь*. Казахстан в инициативе «Один пояс, один путь» (2013–2022 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 81. С. 121–126.
8. *Лу Фэн*. Экономические отношения Китая и Казахстана в рамках стратегии «Один пояс — один путь» (проблемы и перспективы) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 58–77.
9. *Меркулова Д. Г., Шоджонов И. Ф.* «Новая эра» Центральной Азии — китайский взгляд на развитие региона // Метаморфозы истории. 2025. Вып. 35.11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-era-tsentralnoy-azii-kitayskiy-vzglyad-na-razvitiye-regiona> (дата обращения: 16.09.2025).
10. *Кожакеева Л. Т., Чакенова Б. А.* Международное сотрудничество между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 2–1. С. 73–76.
11. *Ваньтин Ч.* Исследование нового механизма китайско-казахстанского взаимодействия в постковидную эпоху // Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной нестабильности. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. С. 520–529.
12. Устав Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <https://chn.sectesco.org/files/43921/43921> (дата обращения: 30.10.2025).
13. Устав Организации Объединенных Наций. Гл. VI: Мирное разрешение споров [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/zh/about-us/un-charter/chapter-6> (дата обращения: 30.10.2025).

14. *Василенко В. И.* Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект). Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2014. 192 с.

15. *Астахова С. В.* Перспективы сотрудничества России и Казахстана в новых геополитических условиях // *Россия и новые государства Евразии*. 2009. № 2 (3). С. 51–74.

16. *Вардомский Л. Б., Тураева М. О.* Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2018. С. 8–11.

Статья поступила в редакцию 30.09.2025; одобрена после рецензирования 04.12.2025; принята к публикации 09.12.2025.

The article was submitted 30.09.2025; approved after reviewing 04.12.2025; accepted for publication 09.12.2025.

Информация об авторе:

Ян Хуань — старший преподаватель.

Information about the Author:

Yang Huan — senior lecturer.